

СВЕТЛАНА ЛУБЕНЕЦ

Салтхури

Светлана Лубенец

Сальпури

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лубенец С.

Сальпхури / С. Лубенец — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-772147-4

Для любви не существует границ ни пространственных, ни временных. И перемещение во времени только добавляет драматизма в отношения между юношей из средневековой Кореи и современной студенткой из Санкт-Петербурга. Пару пытаются разлучить и старая, почти выжившая из ума шаманка, желающая вернуть былые красоту и молодость, и суровый страж Вселенной, готовый променять свое бессмертие на счастье любви, и злые духи, каждый из которых имеет в этом деле свой интерес.

ISBN 978-1-38-772147-4

© Лубенец С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Светлана Лубенец

Сальпхури¹

* * *

Кьонг Сун² осторожно сдвинула за собой дверные перегородки и провела рукой по перламутровой инкрустации. Она всегда так делала, когда возвращалась в свои покои. Ее пальцам была приятна льдистая скользкость пластинок перламутра, из которых по черному лаку были выложены фантастические птицы. Они чем-то напоминали фазанов, но имели более пышное оперение и прихотливо закрученные хвосты. На каждой створке таких птиц было по паре. Они будто прятались от чужих глаз и досужих разговоров среди пышных розовых соцветий. Неловко вывернув короткие шейки, птицы смотрели друг на друга круглыми лакированными зрачками. Ничто не могло разлучить этих птиц. Ничто... И никто...

Кьонг Сун не позволила себе даже печально вздохнуть. Не время. Пока все в доме спят, у нее есть дела поважнее, нежели вздохи и слезы.

Бабушка Трэй³ говорила, что поначалу ей хватит одной свечи. На всякий случай Кьонг Сун таких свечей сделала несколько штук, добавив в пчелиный воск масло цветка шитаси. Оно почти не имеет запаха, но его пары способны очистить мозг от ненужных мыслей. Голова делается легкой и будто пустой. И эта пустота благодатна. Она позволяет вбирать в себя то, что в обычном состоянии для человека скрыто.

Девушка прошла вглубь своих покоев и осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, открыла деревянный ларь, наружные стенки которого тоже были выложены перламутром. На них в клубки свивали свои длинные змеиные тела бородатые, гривастые драконы. Внутри ларь был оклеен ханчжи⁴, окрашенной в бордовый цвет. На самом верху хранился свадебный ханбок⁵ Кьонг Сун, который ей так и не довелось надеть. Свадьба не состоялась.

Особенно красивым было второе платье, белое, расшитое цветами и бабочками. По его белому шелку кровавым ручейком вилял алый пояс. На нем были вышиты птицы, подобные тем, что украшали створки раздвижных дверей. Только фантастические фазаны на створках были молочно-жемчужными, а птицы на поясе сверкали радужно-пестрым опереньем.

Кьонг Сун сбросила домашнее одеяние и, закусив губу, чтобы не расплакаться, надела на себя сначала нижнее нежно-зеленое платье, а потом – белое с завышенной талией, обернула вокруг себя пояс с радужными птицами и достала из сундука маленькую черную шапочку-чоктури⁶, украшенную драгоценными камнями. В центре чуть поблескивал крупный овальный жадеит. Этот зеленоватый самоцвет ценился дороже золота, поскольку был оберегом от несчастий и болезней. Камень подарил своей невесте Джин Хо⁷. Девушка еще крепче закусила губу, но так и не издала не единого вздоха. Не стоит расслабляться. Надо собрать волю в кулак и сосредоточиться.

Кьонг Сун прикрепила чоктури к сложной прическе, еще ниже склонилась над сундуком и достала длинный волнистый шелковый шарф, такой же снежно-белый, как платье. Затем она вынула из шкафчика тонкостенную чашу, вырезанную из полупрозрачного нефрита, и такую

² Кьонг Сун – нежная и гордая.

³ Трэй – устрица.

⁴ Ханчжи – корейская рисовая бумага.

⁵ Ханбок – национальный корейский костюм.

⁶ Чоктури – женский головной убор в виде короны из чёрного шёлка с каркасом из плотной бумаги, подбитый ватой и украшенный сверху различными деталями декора.

⁷ Джин Хо – лидер, золотой герой.

же резную нефритовую бутылку. Внутри чаши на бамбуковой подставочке девушка укрепила свечу и зажгла ее, потом вылила в чашу полбутылки старого вина, настоящего на цветах азалии и диких ягодах. Пурпурная влага почти скрыла подставку, и свеча будто поплыла, покачиваясь в кровавых волнах. Кьюнг Сун содрогнулась и очередной раз прикусила губу, да так сильно, что капелька ее крови с легким всплеском смешалась с вином. Наверно, в этом был какой-то особый смысл. Похоже, все идет, как нужно.

Несколько дней назад бабушка Трэй, производя над головой Кьюнг Сун какие-то странные пассы, утверждала, что девушка способна стать му-дан⁸, впасть в особый транс и увидеть то, чего так жаждала ее измученная душа. Старческие шелушащиеся руки со скрюченными пальцами мелькали перед лицом Кьюнг Сун, а девушка неимоверным усилием воли преодолела сон, который с каждым взмахом коричневой руки молочным маревом застилал ей глаза.

Сейчас же спать не хотелось совсем. Густой терпкий запах вина и свечных паров постепенно наполнял покой. Стоило поторопиться. Чтобы увидеть то, что нужно, мало одного только курения свечи. Необходимо произвести обряд соединения с духом. Конечно, Кьюнг Сун не может сейчас использовать колокольчики и барабан, звуки которых так любят духи, а потому ей придется рассчитывать только на силу своей любви и страстного желания увидеть Джин Хо. Ей необходимо расспросить его обо всем. Только тогда она сможет понять, что ей делать дальше.

Девушка взяла в руки шелковый шарф, взмахнула им и мелкими шажками засеменяла, будто поплыла, вокруг низенького бамбукового столика, на котором стояла чаша с вином и горящей свечой. Заклинательному танцу сальпхури Кьюнг Сун тоже обучила бабушка Трэй. Она посоветовала мысленно обращаться к Токкэби – духу пустоты. Вынужденный существовать в вечной пустоте и вечном безмолвии, он иногда бывает рад поучаствовать в обычных мирских делах. Главное, чтобы ему понравился сальпхури.

Сначала Кьюнг Сун очень старалась следовать тем движениям, которым выучила ее старая шаманка: с определенным интервалом взмахивала руками, и длинный шарф рисовал в воздухе замысловатые узоры. В неверном, мерцающем свете свечи белоснежный шелк то вдруг окрашивался цветом персика, то становился темно-серым, то ловил отблески плещущегося в чаше вина. Шелковые складки то наливались антрацитово-темной, то становились густо пурпурными. В их скоплениях и изломах девушке виделись незнакомые лица, страшные маски, иероглифы чужого языка, непонятные фигуры.

Очень скоро Кьюнг Сун перестала что-либо замечать. Ее движения начали убыстряться помимо ее воли и желания. Мысли пропали. Вместо них мозг населялся вспышками, искрами, странными видениями, долгими, протяжными звуками. Девушка кружилась все быстрее и быстрее. Она не понимала ничего из того, что происходит, и, одновременно, понимала все. Остановившись в самом крутом повороте, она вдруг подбежала к столику и, не мигая, устояла на чашу с догорающей свечой. Поверхность пурпурной влаги вздрогнула, покрылась рябью, заколыхалась, будто задыхалась. Потом из ее глубины начали подниматься пузырьки. Они лопались на поверхности, выбрасывая вверх еще более густой винный аромат. Пузырьков делалось все больше и больше, они сталкивались друг с другом, образовывали крошечные водовороты, воронки, и, наконец, старое вино закипело и забурило кипятком, рождая кружевную розовую пену. Пена перелилась через край нефритовой чаши, и ту же странным образом осветился дальний угол покоев Кьюнг Сун.

* * *

– Мы обязательно провалимся с этим танцем, – сквозь зубы процедила Рита Пилецкая, прима танцевального ансамбля «Петрополь».

⁸ Му-дан – шаманка, которая становится медиумом «по велению» вселившегося в нее духа.

Санкт-Петербург был назначен официальной площадкой проведения фестиваля студенческих танцевальных коллективов, на который в дни летних каникул должны съехаться молодые танцоры со всей России. Студенты биофака педагогического университета специально назвали свой ансамбль так громко, чтобы сразу было видно, что они – хозяева Питера, принимающая сторона.

Еще месяц назад у ансамбля вообще не было никакого названия, но когда на серьезных отборочных концертах именно его выбрали представлять Санкт-Петербург на фестивале, студенты напряглись и выдали пафосное – «Петрополь». Название понравилось и ректору университета, и даже представителю мэрии Питера, а потому его сразу утвердили. Конкурсный танец не утверждали, положившись на опыт и вкус руководителя ансамбля, Инны Васильевны Субботиной. И вот вместо зажигательного танца в новом стиле «квинт», который так любили ее питомцы, Субботина вдруг объявила, что исполнять они будут национальный корейский танец с веерами.

– Конечно, провалитесь, – с ядовитой улыбочкой согласился Кирилл Разлогов, который не мог не понять, что мужская часть коллектива участвовать в танце не будет, а потому ему даже хотелось, чтобы девчонки без парней опозорились.

– Не стыдно тебе, Кирка? – уже не сквозь зубы, а в полный голос возмутилась Рита. – Только о себе думаешь! Мы же можем свой родной Питер подвести!

– Чего мне стыдиться? Разве я эти корейские веера придумал? Кто-нибудь вообще видел этот танец?

Рита и еще одна их однокурсница, Женя Козина, отрицательно покачали головами.

– Я тоже не видел, но, думаю, там и смотреть нечего! Будете веерами махать под какие-нибудь дудки! Могли бы, между прочим, сегодня энергичнее сопротивляться!

– Сам видел, наше мнение Инну вообще не интересовало! – зло выдохнула Рита.

К друзьям, сидящим в скверике на двух развернутых друг к другу скамейках, подбежала еще одна девушка из танцевального коллектива, аккуратно поставила на сиденье свою объемистую желтую сумку, плюхнулась рядом и выпалила:

– А я знаю, с чего вдруг Инна свихнулась на веерах! – и сразу продолжила: – Я случайно услышала ее разговор с нашим деканом. Оказывается на фестиваль приедет корейская делегация! Вот!

– И что, тоже будут участвовать в конкурсе? – вступила в разговор Женя.

– Представьте, нет! Они будут просто гостями фестиваля, а чтобы их улажить, нам придется махать их веерами!

– Ну надо же! Чтобы прогнуться перед корейцами, наши готовы повалить конкурс! Ну-ка рассказывай, Ирка, что еще слышала?

Вместо ответа Ира Селиванова вжикнула молнией сумки, достала пакет с надписью «Пирожный дом», из него – румяный пирожок и сказала:

– Вот! Как заказывали: одни с мясом, другие с капустой! Есть еще с яблоками! Бери, Кирка! – и она протянула Разлогову пирожок. Тот жадно откусил сразу половину и с набитым ртом сообщил:

– Класс! Умеют они пирожки печь!

После такого его заявления сразу несколько рук потянулось к пакету. Пилецкая, достав пирожок, повторила вопрос:

– Что там с корейцами-то?

Ира тоже куснула пирожок, не торопясь, прожевала и, наслаждаясь всеобщим вниманием, наконец, ответила:

– Да все нормально! Не провалимся мы! Неужели не понимаете? Даже если начнем вразнобой, кто в лес, кто по дрова, и веера растеряем, первое место у нас в кармане!

– Это еще почему? – не выдержал Кирилл.

- Да потому что весь наш деканат уже приглашен с ответным визитом в Корею!
- Но в жюри-то заседать не деканат будет!
- Договорятся! Не волнуйся!
- Да ну... Ерунда какая-то... Не может быть... – задумчиво проговорила Женя, вытащила из Ириноного пакета последний пирожок, откусила кусочек, лениво прожевала, поднялась со скамейки и со словами: – Пора мне... – пошла к выходу из скверика.
- Как же – не может! У нас все, что угодно, может быть! – крикнула ей вслед Рита.

Вернувшись домой, Женя первым делом включила компьютер, вошла в сеть и набрала в поисковой строке «Корейский танец с веерами». На первом видео, которое открыла, аляповато размалеванными бумажными веерами махали детишки детсадовского возраста. Это было трогательно, но смешно, и Женя поспешила закрыть ролик, чтобы окончательно не расстроиться. К поиску следующего видеоматериала она подошла уже серьезнее, и выбрала танец фольклорного корейского коллектива.

На сцену вышли девушки в широких алых юбках с завышенной талией, коротких белых кофточках-болеро с рукавами, расшитыми цветочным орнаментом. Волосы у всех были туго забраны назад в аккуратные пучки, а надо лбом непонятным образом держались крохотные шапочки-коронки, на которых блистали разноцветные камни. Вместо вееров они держали в руках странные вытянутые предметы, вроде полицейских жезлов, только полосы на них были в тон костюмам: алые с белым.

Как только полилась музыка, мелодичная и нежная, девушки взмахнули своими жезлами, и они раскрылись у них над головами большими веерами, расписанными густо-розовыми шапками цветов, напоминающих пионы. У каждой танцовщицы было по два веера, и они очень ловко изображали ими то бабочек с трепещущими крыльями, то букеты цветов. Веера выстраивались в арки, длинные дрожащие змейки, кружащиеся сферы, свивающиеся и развивающиеся спирали. Танец очаровывал, завораживал. Он был очень красив и гармоничен. Женя с большим удовольствием досмотрела ролик до конца и задумалась. Да, зрелище чудесное, но очень уж несовременное. Сейчас молодежь уважает энергичные танцы с элементами почти цирковой акробатики. Например, в любимом всеми квинте, танцоры выходят на сцену по очереди пятерками, будто соревнуясь друг с другом в мастерстве. Классические движения джампстайла⁹ чередуются с акробатикой. Ритм убыстряется, сцену постепенно заполняют все ранее соревновавшиеся пятерки, выстраиваются в красивые фигуры и движутся очень быстро. Чем выше класс танцоров, тем резвее они танцуют, тем четче взмахивают руками, тем синхроннее выполняются прыжки, сальто, поддержки и перестройки фигур.

Женя не сомневалась, что почти все конкурсные выступления будут так или иначе построены на квинте. Различаться танцы станут костюмами, музыкой, геометрией расположения участников, чередованием фигур. Тягучий корейский танец с веерами при этом будет выглядеть очень странно. Да и оценить его непросто. Если все остальные танцоры станут выполнять сложные техничные и силовые номера, то присудить победу еле движущимся девушкам, сооружающим фигуры из вееров, будет неправильно.

Женя вздохнула, закрыла крышку ноутбука и подошла к зеркалу. Пожалуй, она неплохо смотрелась бы в таком же костюме, как у корейских танцовщиц. У нее длинные глянцево-черные волосы, которые легко стянуть в хвост на затылке и соорудить красивый узел. Глаза, не раскосые, но удлиненные к вискам, темно-карие, как переспелые вишни. Кожа гладкая, чуть смугловатая. Губы пухлые и такие яркие, что помада им совершенно не требуется. Да и вся она, ладная, тонкая, длинноногая, очень даже себе нравится. Только вот имя подкачало – Женя!

⁹ Джампстайл – современный клубный танец, основные движения которого заключаются в поочередном выкидывании ног в прыжке вперед и назад в различных комбинациях.

Фу! Мама говорила, что назвала ее в честь своей школьной подруги, которая вышла замуж за военного, а теперь кочует вместе с ним из одного гарнизона в другой, и потому им никак не встретиться. Подруги, видите ли, были в детстве очень близки, а бедная Женя теперь мучайся со своим именем. Евгения, конечно, звучит несколько лучше, но кто станет называть полным именем двадцатилетнюю девушку?

Женя улыбнулась собственному симпатичному отражению, но улыбка тот час погасла, поскольку она вспомнила тревогу, которую почувствовала при рассказе Селивановой о деканате, собирающемся в Корею. Не случайно, уходя из скверика, где разговаривала с друзьями, она проронила «Не может быть...» Друзья подумали, что ее восклицание относится к договору их деканата с членами жюри, а Женя имела в виду совсем другое. Свое. Сейчас она просто отвлеклась от той тревоги размышлениями о танцах и конкурсе, а на самом деле ей есть смысл подумать о том, что с ней происходит. Последнее время многие события, в которых она участвует, так или иначе оказываются связанными с Кореей. Например, совсем недавно на практике в школе ей довелось готовить детскую команду к викторине о республике Корея. На прошлой неделе они с мамой решили сходить в кино на российскую комедию, которую долго выбирали в Интернете. Когда же подошли к кинотеатру, комедию почему-то заменили корейской мелодрамой «Цветок азалии». Мелодрама оказалась довольно интересной и очень красиво снятой, и дома Женя долго терзала свой ноутбук в поисках материалов о Стране утренней свежести. Девушке очень понравилось это поэтическое названия Кореи. А не далее, чем вчера, Женя ехала в полупустом троллейбусе. На одной из остановок в него зашел и уселся прямо напротив нее очень красивый молодой человек с яркой восточной внешностью. Девушка с трудом отводила глаза, но как только снова обращала их на него, натыкалась на взгляд, пристальный и оценивающий. Женя до того неловко чувствовала себя под этим взглядом, что выскочила из троллейбуса на две остановки раньше, чем нужно. Конечно, парень мог быть вовсе и не корейцем, а любым другим азиатом, но здорово смахивал на главного героя мелодрамы «Цветок азалии».

И вот сегодня Субботина объявила им, своим подопечным, что вместо квинта они будут танцевать корейский танец с веерами. Как Жене было не вздрогнуть? Когда же Селиванова принесла на хвосте новость о приезде на фестиваль корейской делегации и ответном визите деканата в Корею, у нее и вырвалось это «Не может быть...» Слишком много вокруг Жени корейского! К чему бы это?

Интересно, а что ответил бы тот парень из троллейбуса, если бы Женя спросила его: «Чего уставился?» Наверно, не понял бы ее. Хотя... те азиаты, которые по-русски не понимают, в троллейбусах не ездят...

Можно, конечно, было бы не грубить, а вежливо спросить: «Вы что-то хотите мне сказать?» Завязалась бы беседа. Они не успели бы договорить, и молодой человек вышел бы на Жениной остановке и проводил ее до дома. Они обменялись бы номерами телефонов и... А что «и»? Что дальше? А дальше могла бы начаться история, похожая на «Цветок азалии», только без кражи старинного перстня и подлости подруги главной героини. Никаких старинных перстней в семье Козиновых не хранилось, а лучшая подруга Жени – Томка Яковлева на подлости не способна.

До конца дня девушка несколько раз вспоминала то парня из троллейбуса, то танец с веерами, но потом Томка отвлекла ее от этих мыслей долгим телефонным разговором о своей несчастной личной жизни. Засыпала Женя, лениво соображая, каким способом лучше всего помирить подругу с ее бойфрендом по имени Яшка. Конечно, это будет возможно только в августе, когда Томка вернется из Ялты, куда ее завтра увозят родители.

* * *

До сих пор, когда жизнь, наконец, как-то устроилась, он интуитивно скрывал свое настоящее имя. Русский язык освоил в объеме, необходимом для бытового общения. Работа ночного уборщика в метрополитене позволяла свести это общение к минимуму. Днем он отсыпался или гулял по Санкт-Петербургу, который мало-помалу полюбил. Поначалу не мог спать в сизые белые ночи, а потом ночная работа приучила мгновенно засыпать в любое время суток и при любом освещении. Он многое поначалу не мог. Очень многое...

...Очнулся он у реки, где лежал навзничь, раскинув в стороны руки. Закрытые веки пригрело и выжелтило изнутри солнце. Казалось, откроешь глаза – окажешься в меду летнего дня. Улыбнувшись теплу, он лениво приподнял веки и тут же снова зажмурился. Над ним нависало чужое лицо, что, скорее всего, было всего лишь обрывком сна. Чужие люди не могли оказаться в их саду. Отец самым тщательным образом отбирал людей для охраны дома. Впрочем, странная речь, которая оскорбила своим варварским звучанием его слух, присниться не могла. Он снова открыл глаза. Чужое лицо не исчезло, лишь отдалилось. Человек в странном одеянии стоял над ним в полный рост. На нем была некрасиво обтягивающая тело светлая рубашка с изображением черного демона на груди, голубые, сильно вылинявшие штаны, тоже неприлично обтягивающие чресла, и огромные пестрые башмаки. Удивительно некрасивым было лицо: белокожее, будто тоже вылинявшее, как штаны, со слишком крупными глазами. Казалось, что они широко расширились от ужаса. Пришлось привстать и оглядеться по сторонам – хотелось знать, чего этот человек так испугался. Рядом больше никого не оказалось, а голову при резком движении пронзила такая боль, что невольно вырвался стон. Но эта боль скоро прошла.

Человек с демоном на груди опять присел около и улыбнулся. Его глаза при этом несколько сузились, что немножко успокоило. Похоже, бояться нечего. Тот, кто желает зла, улыбаться не станет. Но то, что он опять залопотал, понять было невозможно. По тому, как человек начал махать руками, стало понятно, что он предлагает встать. Пришлось подчиниться. Полулежа трудно разобраться в том, что происходит.

Широкие пачжи¹⁰ из плотного зеленоватого шелка и темно-фиолетовая чогори¹¹ с белыми рукавами оказались чистыми и неизмятыми. Пропала только золотая застежка с груди и головная лента, чего, конечно, было не слишком жаль.

Человек с демоном дотронулся до чогори, потом потер шелк между пальцами, будто проверяя его качество, усмехнулся и очередной раз махнул рукой, зовя за собой. Опять пришлось подчиниться, поскольку пейзаж был совершенно незнакомым. Река текла меж берегов, заросших темно-зеленым странным кустарником без цветов или ягод. Узенькая тропка вела в лес.

Он сделал шаг и только тогда понял, что обуви на нем нет. Ступни кололи мелкие камешки, в них врезались выступающие наружу корни, но он не позволял себе даже громко вздохнуть. Надо разобраться, что происходит, а потом уж залечивать израненные ноги.

На спине ведомого чернела какая-то надпись. Знаки не были похожи ни на ханчжа¹², ни на хангыль¹³. Вообще все вокруг не имело в его мозгу никаких аналогов. Деревья, вроде, напоминали растущие в саду родного дома или соседнем лесу, но чем-то неуловимо отличались. Даже запах был другой.

¹⁰ Пачжи – мужские штаны корейской национальной одежды.

¹¹ Чогори – женская блуза или мужская кофта.

¹² Ханчжа – иероглифическая корейская письменность.

¹³ Хангыль – корейская алфавитная письменность.

Лесные заросли скоро закончились, и глазам открылось небольшое поселение. Очевидно, бедное. Деревянные дома были слишком просто исполнены, не имели почти никаких украшений, кроме грубо вырезанных узоров вокруг оконных рам. Цветники возле домов имелись, но плохо ухоженные, невыразительные. Во дворах вместо кружевных беседок и фонтанчиков стояли неказистые строения, скорее всего, хозяйственного предназначения, сушилось белье, бегали куры. Отвратительно громко лаяли собаки.

Пока шли по единственной улице селения, за ними сначала увязалась стайка босоногих мальчишек, таких же круглоглазых, но более смуглых лицами, чем человек с демоном на груди. Потом за ними побежали, громко лопоча, несколько светлых женщин в сильно наборенных цветастых юбках, многочисленных украшениях на груди и в ярких платках с кистями.

Все они остались за порогом дома, куда пришлось зайти вслед за человеком с демоном. Пройдя несколько почти темных помещений, заваленных непонятными предметами, они оказались в довольно большом зале, тоже плотно заставленном чрезмерно высокой мебелью и завешенном безвкусными коврами, основной цвет которых был красным. За неприятно высоким столом на безобразной деревянной раскоряке сидел грузный мужчина в белой рубашке с торчащим воротником и верхней черной безрукавой чогори. Седой и морщинистый, он, понятно, был среди всех главным. Из двери, незаметной за одним из ковров, в помещение вошла женщина, в такой же широкой сборённой юбке, что и преследовавшие их на улице, но с более блестящими и массивными украшениями на груди. Она с любопытством взглянула на незнакомца и широко улыбнулась, чем его напугала: весь нижний ряд ее зубов сверкал золотом. Седой жестом велел ей поставить на стол миски с дымящейся едой и удалиться. Женщина безмолвно сделала, что ей велели, бросила на незнакомца еще один взгляд и, сверкнув золотыми зубами, скрылась за ковром.

Потом его заставили сесть на такую же деревянную и очень неудобную раскоряку, придвинули поближе белую тарелку с золотым ободом, на которую выложили из миски желтоватые рассыпающиеся кругляши, сверху наложили мяса в коричневом соусе, сунули в руки маленькую зубчатую пикку и велели есть. Аппетита не было, но он, боясь рассердить хозяина, попытался подцепить пиккой рассыпающийся кругляш. Это у него не получилось, но несколько кусочков мяса проглотить все же удалось. Рядом ковырял пиккой в тарелке человек с демоном. Похоже, есть ему тоже не хотелось, но и он не мог не уважить хозяина. Седой ел жадно и не очень опрятно. Из бутылки, украшенной непонятными картинками, не выпуская из рук свою пикку, другой рукой он налил в три прозрачные узкие чаши такой же прозрачный напиток. Резкий алкогольный запах тут же наполнил помещение. Видимо, это было что-то вроде соджу¹⁴. Странно, что хозяин налил себе сам. Наливать соджу себе самому не принято. Да и одной рукой нельзя – неуважение к напитку и сидящим за столом. Бутылку обязательно надо держать двумя руками. Видимо, здесь совсем другие обычаи.

Он сделал глоток, когда ему прямо в руки сунули узкую чашу с прозрачной влагой. Горло неприятно обожгло. Да, похоже на соджу, но слишком горькое. Пришлось опять тыкать неудобной пиккой в мясо, чтобы унять горечь и ожог во рту и горле. Это не понравилось хозяину. Он что-то сердито заговорил, налил себе напитка еще и залпом выпил, жестами и мимикой предлагая гостю сделать то же самое. Это шло в разрез с нормами поведения. Молодые вообще никогда не пьют соджу перед старшими. Выпить, конечно, можно, но только отвернувшись в сторону, что тоже вряд ли понравится хозяину. Старшие же пьют потихоньку, глотками, осушая сосуд за несколько приемов, и никогда не допивают до конца. Порядок и постоянство – основа обрядов и церемоний. Похоже, эти люди живут по-другому.

Тому, насколько эти люди живут по-другому, ему приходится удивляться до сих пор.

¹⁴ Соджу – традиционный корейский алкогольный напиток, приготовляемый из сладкого картофеля или зерна, прозрачная жидкость с характерным запахом спирта и сладковатая на вкус. Доля спирта от 20 до 45 %.

А тогда они пытались узнать его имя. Он долго не мог понять, чего они хотят. Когда понял, растерялся. Имя – это оберег. Его нельзя выдавать незнакомцам, чтобы они не получили доступ к его ментальной сущности. Но как себя назвать, чтобы не разозлить их окончательно? Думая, что он все еще не понимает, чего они хотят, эти странные люди, стали сами предлагать ему имена, которые, как им казалось, мог носить человек, столь от них отличающийся. Он услышал знакомые звуки и согласился на имя Ван. Иероглиф этого имени означает облако. Он и есть облако, которое ветер пригнал в незнакомое место. Уже много позже он добавил к имени самую распространенную в их стране фамилию – Ким...

* * *

В конце концов парни из «Петрополя», оскорбленные танцем с веерами, успокоились. Субботина все же вынуждена была объясниться со своими танцорами. Она призналась, что планировала задействовать молодых людей на организации досуга корейской делегации и даже предположила, что в случае успеха «Петрополя» ответный визит в Корею деканата их факультета возможен совместно с ансамблем в полном его составе. Она даже предложила парням поискать в Интернете мужской корейский танец журавлей и начать его самостоятельно разучивать – не маленькие уже. Пока денег на дополнительные костюмы журавлей нет, да и времени на подготовку – тоже. Но если девушки победят, для поездки в Корею журавлиный танец очень может пригодиться. Да и дополнительные деньги на мужские костюмы в случае победы на фестивале наверняка найдутся.

На все вопросы о торжестве квинта на танцевальных площадках Инна Васильевна отвечала одно и то же:

– Мы как раз и сыграем на контрасте! Остальные коллективы, все как один, будут брать темпераментом и акробатикой, а мы – романтикой, нежностью и красотой! Выбывающегося из стаи всегда замечают первым!

Девушкам сшили очень красивые ханбоки, состоящие из алых юбок-чима колоколом и белоснежных чагори. По подолом юбок и рукавам жакетов были вышиты нежные цветочные узоры. Танцовщицы были готовы тут же надеть на себя эту красоту, но Инна Васильевна осталась недовольна костюмами, отослала их обратно, набрала номер мастерской и нервно закричала на весь танцевальный зал:

– Я же прислала вам фото ханбока! Где тончжон¹⁵? Где откорым¹⁶? Не знаете, что это? А вы глаза-то пошире откройте! В служебной записке я все расписала подробно! Имейте в виду, на эти костюмы будут смотреть гости из Кореи, а потому фальшивка не проканает!!

Корейские веера тоже сначала прислали не те. Они были красивыми и очень яркими, но по форме напоминали небольшие лопаточки, которые не складывались. Использовать их было невозможно, поскольку изюминкой танца являлось именно неожиданное раскрытие и закрытие вееров. Да и бабочку такими лопатками никак не изобразить.

Субботина ругалась, ярилась, жаловалась руководству и, в конце концов, победила. Последние из присланных вееров оказались великолепны: огромные, белоснежные, с густо-розовой каймой, отороченной тонким кружевом. На белом поле вееров расположились крупные цветки пионов, цвет которых повторял цвет юбок-шима. Складывались и раскладывались они одним движением, которому непривычным к такому аксессуару русским девушкам пришлось все же поучиться.

Танец получался очень красивым. Парни-танцоры, переставшие злиться, на репетициях только цокали языками от восхищения. А Кирилл Разлогов даже однажды сказал девушкам:

¹⁵ Тончжон – белая тесемка, прикрепляющаяся по горловине ханбока, которая делает изящней линию шеи.

¹⁶ Откорым – украшение-узел на чогори, от которого вертикально вниз вдоль по юбке-чима свисает длинный конец ленты.

– И что вы все в джинсы рядитесь? То ли дело юбки! Не хотите в корейских ханбоках ходить, надевайте русские сарафаны – тоже красиво и женственно!

– А ты попробуй в этом женственном наряде за автобусом пробежаться или в набитую маршрутку засунуться! – тут же отбрила Рита.

– На своих каблучках вы очень даже резво бегаєте!

– Так они много места не занимают! А для ханбока карета нужна! Или паланкин!

– Чего нет, того нет... – удрученно отозвался Разлогов и развел в стороны руками.

– Вот и помалкивай тогда! – заключила Пилецкая.

Тайно от Субботиной и девчонок Женя Козинава принесла готовый танцевальный костюм домой. Ей очень хотелось показать его родителям, когда они придут с работы, а пока их нет просто – покрасоваться в нем перед зеркалом, рассмотреть себя со всех сторон без посторонних глаз. Завтра она также потихоньку отнесет его назад, никто и не заметит, что один из ханбоков вечером отсутствовал.

Женя торопливо сбросила джинсы с футболкой и облачилась в танцевальный костюм. Кирка был прав – ханбок – удивительно женственный, утонченный и изящный наряд. Снежный белый верх и теплый алый низ придали лицу свежесть. Белая тесьма-тончжон действительно очень красиво очертила шею. Овальные линии рукава целомудренно закрывали до середины кисти рук. Расклевшенная от груди юбка ниспадала изящными фалдами до пола.

Инна Васильевна хотела, чтобы костюм дополняла изящная шапочка-корона, называемая чоктури, но начальство ее быстренько окоротило – наряды танцовщиц и так получились очень дорогими. Вместо чоктури решили использовать крупные шпильки, стилизованные под корейские пинё¹⁷. Субботина нашла мастера, который украсил русские шпильки бусинами, бисером и стразами. Если их не до конца вставлять в прически, то они торчат вокруг узла волос ажурным цветком.

Женя собрала волосы на затылке, завернула в узел и вставила эти псевдо пинё. Получилось очень красиво. Чтобы образ приобрел восточную законченность, девушка вытряхнула на стол содержимое косметички, нашла черный контурный карандаш и нарисовала на веках стрелки так, чтобы ее удлиненные глаза казались слегка раскосыми. Яркие без всякой косметики губы от удовлетворения собственной внешностью растянулись в довольной улыбке. Женя подмигнула своему изображению, включила ноутбук, нашла мелодию, под которую они будут танцевать на конкурсе, и пошла мелкими шажками по комнате. Веера она забыла взять, что, конечно, ее огорчило, но не настолько, чтобы испортилось настроение. Девушка схватила лежащий в кресле полупрозрачный белый шарф, который обычно надевала с синим пиджаком, и обеими руками взметнула его вверх. На несколько секунд над ней будто повисло молочное облако. Потом белый шарф упал и уютно окутал Жене плечи. Сорвав его, она принялась взмахивать длинным полупрозрачным полотнищем, рисовать им в воздухе всякие фигуры и кружиться, кружиться. Мелодия убыстрялась. Казалось бы, юная танцовщица знала, как изменять шаги, как и куда направлять взгляд, чтобы голова не шла кругом, но на глаза вдруг начало наползать белесое марево. Девушка хотела остановиться, чтобы перевести дух, но сознание будто перестало полностью ей принадлежать. Она все еще была Женей Козинавой, студенткой третьего курса педагогического университета, и, одновременно, кем-то еще, неким духом, девой движения. Она чувствовала дыхание танца. Оно поднималось из глубин ее тела и возносило над полом, над мебелью собственной маленькой комнаты. Она еще не могла вырваться ввысь сквозь потолок и этажи обычного панельного дома, но чувствовала, что и это возможно. Уши наполнял долгий тягучий звук, которого, казалось бы, не могло существовать в природе, и только она одна почему-то могла его слышать. Свет в комнате постепенно померк, но мрак то

¹⁷ Пинё – шпилька для фиксации волос или шляпы.

и дело прочерчивали пульсирующие вспышки и огненные спирали, которые рождал неизвестный источник. В этих вспышках девушке виделись незнакомые лица, странные сооружения в виде многоярусных пагод, но с балконами обычных российских многоэтажек из спальных районов. Среди лиц незнакомцев, то и дело мелькающих во вспышках света, пугало только одно – мужское, с очень холодным, пронзительным взглядом. Кроме этого взгляда, в нем, вроде бы, не было ничего пугающего. А взгляд, возможно, пугал потому, что полупрозрачное серое лицо не удавалось толком разглядеть, глаза же были на удивление яркими и запоминающимися. Тип лица мужчины тоже был восточным, но девушку это уже перестало удивлять. Ее вообще ничего не удивляло. Все должно быть именно так, как есть. Этот мужчина с неприятным взглядом непременно должен ей подарить что-то очень важное и нужное, без чего ее дальнейшая жизнь будет бессмысленна. И он что-то ей протягивает... Но что? Вспышки света стали слабыми и редкими. Ничего не разглядеть... Ничего...

Женя резко проснулась от завываний потревоженной сигнализации соседской машины, стоящей под окном. Открыв глаза, она сморщилась от боли, которая горячим обручем обхватила голову. Девушка снова зажмурилась и несколько минут пролежала недвижимо. Боль медленно уходила, оставляя холодную испарину на лбу. Женя осторожно села в постели и легонько потрянула головой. Вроде, все в порядке. Наверно, как-то неудобно лежала. Точно! Она вообще спала без подушки! Вон она валяется на полу! И почему-то спала одетой... В джинсах и футболке... Хорошо, что хоть без кроссовок!

Женя хотела рассмеяться, но улыбка застыла, так до конца и не растянув губы. Почему она спит в джинсах? Она же вчера сняла их сразу, как только пришла домой! И футболку сбросила! Она же сразу надела ханбок! Кстати, где он?

Девушка оглядела комнату, но танцевального костюма нигде не было. От поднимающегося из живота ледяного ужаса на лбу снова выступила испарина. Женя хорошо помнила, как в костюмерной упаковывала ханбок в большой пакет, как осторожно складывала, чтобы не сильно помять. Помнила, как дома сворачивала волосы в узел и рисовала себе восточные глаза... Она поднесла руки к затылку. Вот он, растрепавшийся во время сна узел... В обычной жизни она всегда ходит с распущенными волосами.

Женя подбежала к зеркалу и встретила взглядом с девушкой с красиво подведенными в восточном стиле глазами. Карандаш во сне кое-где смазался, но раскосость сохранилась. Да! Она четко помнит, как кружилась в танце по комнате, воображая себя настоящей корейкой. Вон, ноутбук до сих пор стоит открытым. Девушка бросилась к компьютеру и оживила его. Экран осветился, полилась музыка, и корейские танцовщицы возобновили прерванный танец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.